

Elena Pocięcina

Ономатопея : языковая аномалия

Acta Polono-Ruthenica 9, 229-239

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Elena Pocietchina

Olsztyn

Ономатопея: языковая аномалия?

Междометия, звукоподражания и ономатопеэтическая лексика каждого отдельного языка различаются в значительной степени. При изучении иностранных языков знание особенностей этой части лексического запаса просто необходимо для овладения разговорной речью, характеризующейся яркой эмоциональной окрашенностью. Что общего между междометиями и звукоподражательными словами? Можно ли отнести междометия и ономатопеи, имеющие с точки зрения диахронии звукоподражательное происхождение, к лексике безэквивалентной? В чем отличие лексики ономатопеэтического происхождения от обычной лексики?

Понятие звукоподражательности основано на воображаемой или реальной близости означающего и означаемого в слове. Причиной такой близости является апперцептивный эффект идеофонии, который, согласно общему мнению лингвистов, возникает из-за особого качества оформляющих корень фонем и фонемных сочетаний. То есть, принято считать, что *native speaker* на базе своей речевой практики может оценивать определенные сочетания звуков речи как изобразительные. Если нормальные слова не создают идеофонического эффекта, т.е. звук языка irrelevantен по отношению к значению (русск. стол, дом, доска, бег и т.п.), то в звукоподражаниях (ономатопеях, идеофонах) и непрямых междометиях фонетический облик слова в той или иной степени определяет его значение. В одних случаях (например, в междометиях), слово в полном смысле слова „изображает” звук: *ax, ox, ex* – вздох разочарования, удивления, боли и т.п., *xa-xa, xi-xi, xo-xo* – смех, при этом большое значение в процессе коммуникации имеют суперсегментные фонетические средства: тип ударения, характер интонации, выражающие различные экспрессивные значения. Следует заметить, однако, что в языковой практике нередки случаи, когда наличие определенных ономатопеэтических фонем и слогов в слове, оформленном по правилам грамматики конкретного языка и употребленном в нетипичном контексте, определяет звукоизобразительный характер лексического значения слова на основе конвенции при обязательном условии владения языком как родным.

Вопрос о связи между звуком и значением ставился в истории языкознания неоднократно. Междометия и звукоподражания, представляющие особую форму языковых знаков, время от времени оказывались в зоне особого внимания ученых. Согласно теории звукоподражания, естественный язык возник как звуковое отражение природы. Эта теория, начало которой было заложено еще в античной философии, получила развитие в трудах немецких философов Г. Лейбница и И. Гердера. Ж. Ж. Руссо создал теорию эмоционального происхождения языка, получившую позже название теории междометий. Сторонники этой теории утверждали, что междометия являлись наиболее эмоциональными словами, в которые первобытный человек вкладывал различные значения в зависимости от той или иной ситуации.

Интерес к исследованию идеофонической лексики заметно упал после того, как в конце XIX в. младограмматики отказались признать звукоподражательное происхождение языка. „Если мы возьмем за образец любую группу таких ономатопоэтических слов, не ограниченную намеренно с самого начала специфическими звуковыми обозначениями, то окажется, что собственно звуковые образы составляют лишь часть тех слов, в которых мы схватываем звук и значение, как соответствующие друг другу, и что в остающихся за вычетом прямых звуковых образцов слова не может быть и речи о воспоминании о звуковых впечатлениях, которые, может быть, ранее были связаны с зрительными впечатлениями”, – писал Вильгельм Вундт. Ономатопы оказались не пригодны для реконструкции индоевропейского языка-основы, поскольку материал родственных языков оказался чересчур пестрым (нем. *klaps, knacks*, англ. *fillip, click*, русск. *щёлк*, польск. *pstryk*). Руководствуясь созданными для теории реконструкции фонетическими законами, ученые приводили к общему корню лексемы с абсолютно разным лексическим значением, что доводило саму идею реконструкции до абсурда. Попытка возвести к звукоподражательным корням такие корни, которые по своему фонетическому составу напоминали идеофоны, закончилась неудачей. В результате этимологических разысканий ученым пришлось отнести большинство ономатопов к новообразованиям, к тому же, значительное число постоянно вновь образующихся во всех языках звукоподражательных слов служило скорее аргументом против теории звукоподражания, чем в пользу ее. Таким образом, участь слов данной группы для историков была решена, и интерес к ним пропал. Последним из этимологических словарей, в котором большое значение отводилось ономатопоэтическим толкованиям, был

неоконченный словарь Эриха Бернекера¹. В последующих работах лингвисты стали относиться более осторожно к подтверждению ономатопеэтических этимологий. По этому поводу Герман Пауль написал следующее: „Испытываемое нами ощущение внутренней связи между звучанием и значением подобного рода слов отнюдь еще не является доказательством того, что любое отдельно взятое слово этой группы и в самом деле обязано своим происхождением именно такой связи”².

В языкознании XX в. звукоподражания стали предметом синхронных исследований. Русское языкознание, полностью отказавшись от идей Н.Я. Марра, не стало заниматься вопросом происхождения и генезиса междометий. Создавая свое „грамматическое учение о слове”, В.В. Виноградов занялся определением свойств междометий как части речи и был поражен тем парадоксальным положением, когда междометия, „как целые высказывания, как языковые элементы, лежащие за пределами частей речи, [...] переводились из морфологии в синтаксис”³. Что же это за аномалия? Или междометие не может быть названо частью речи? Междометие – это слово-предложение? Последователи Виноградова занимались определением объема лексического класса междометий и способами его пополнения путем перехода отдельных лексем, словосочетаний и даже предложений в междометия⁴.

Этнопсихологические исследования Вундта дали, однако, толчок развитию исследований по идеофонике в другом направлении. Считая, что теория звукоподражания не выдерживает никакой критики, поскольку „собственно звуковые образы составляют лишь часть тех слов, в которых мы схватываем звук и значение, как соответствующие друг другу, и что в остающихся за вычетом прямых звуковых образов словах не может быть и речи о воспоминании о звуковых впечатлениях”⁵, Вундт предложил использовать термин „звуковой жест”, „звуковая метафора”. Такое определение позволяет отнести к одной группе и междометия, и звукоизобразительные лексемы. В случае звуковой метафоры мы имеем дело со звуковым образованием, возникшим в результате выразительного движения артикуляционных органов. Сходство артикулируемых звуков со

¹ E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, 1: A-L, 1913; 2: M–morü, 1914.

² Г. Пауль, *Принципы истории языка*. Москва 1960, с. 217.

³ В. В. Виноградов, *Русский язык*, изд. 2-е, Москва 1972, с. 585.

⁴ А. И. Германович, *Междометия и звукоподражательные слова русского языка*. Автореферат, Симферополь 1961; С. А. Карпунин, *Звукоподражательные слова в русском языке*. Автореферат. Саратов 1979.

⁵ В. Вундт, *Проблемы психологии народов*, Москва 1912, с. 21.

слуховым впечатлением – побочное явление, возникающее непреднамеренно на фоне общего экспрессивного характера высказывания, в результате психологической ассоциации между объективным процессом и его звуковым обозначением, и не имеющее никакого отношения к генезису языка. Не в обязательной ли экспрессивной коннотации кроется секрет восприятия оноματοпоэтической и экспрессивной лексики как нестандартной, аномальной?

С древних времен поэтике известны приемы аллитерации и ассонанса – повторения однородных согласных звуков таким способом, что при чтении вслух фрагмента художественного произведения описываемые в нем звуки становятся „зримыми”, например: „Шипенье пенистых бокалов / И пунша пламень голубой” (Пушкин). Еще Михаил Васильевич Ломоносов в своей работе по риторике отмечал, что частое повторение некоторых письмен „способствовать может к изображению различных чувств, живых действий, звуков, каков есть стук строящихся городов и домов, от конского топоту и от крику некоторых животных”, „для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий” также „через сопряжение согласных”⁶.

Отделившись от теории звукоподражания, теория символики звука стала рассматриваться в рамках фоносемантики, науки, изучающей звукоизобразительную систему языка. Интерес к символике звука во второй половине XX в. непосредственно связан с исследованиями в области разговорной речи, а также с изучением языков, не принадлежащих к индоевропейской языковой семье. Среди наиболее известных работ назовем работы Э. Сепира, Р. Якобсона, в России – А.П. Журавлева, С.В. Воронина, продолжающих традиции, начало которым положили труды Пражского лингвистического кружка⁷.

С одной стороны, довольно часто в лингвистической литературе встречаем рассуждения о нетипичности для языка звуков и звуко сочетаний, содержащихся в звукоподражаниях (например, в слове апчи используется сочетание трех согласных звуков, редкое для русского языка). С другой стороны, попытки обнаружить оноματοпоэтические универсалии могут

⁶ М.В. Ломоносов, *Краткое руководство к красноречию*, [w:] *Полное собрание сочинений*, Т. 7, Москва – Ленинград, с. 241.

⁷ А.П. Журавлев, *Фонетическое значение*, Ленинград 1974; С. В. Воронин, *Основы фоносемантики*, Ленинград 1982; С. В. Воронин, *Основы универсальной классификации оноματοпов (Оноματοпея и фоносемантика)*, „Фонетика – 83. Материалы к X Международному конгрессу фонетических наук”, Москва 1983, с. 45–58; J. Kořinek, *Studia z oblasti onomatopoeja*, Praha 1934.

разве что привести к выводам вроде следующего: „слова, обладающие значительным элементом звукоподражания, очень точно передающие звук, повторяются в различных языках», а слова «с менее точным подражанием звуку больше различаются»⁸. Да, сопоставив дррусск. *Ѣхати, Ѣханик*, совр. русск. *нюхать*, польск. *węch, węchać*, нем. *schnüffeln* ‘вынюхивать’, англ. *sniff* ‘нюхать, сопеть’, *snuff* ‘нюхать табак’, мы обнаружим в фонемном составе этих лексем нечто общее, например, тот же гласный [y] и те же согласные [x] и [f] в нашем представлении изображают идею ‘нюхать’, т.е. ‘энергично вдыхать и выдыхать воздух через нос’. Если же мы не остановимся на бросающемся в глаза поверхностном фонетическом сходстве, то придется принять во внимание тот факт, что значимость этих лексем в каждом из языков иная: русские и польские лексемы принадлежать к литературному языку, они стилистически нейтральны, тогда как немецкие и английские – разговорные и экспрессивно окрашенные. Параллели подобного рода, с нашей точки зрения, представляют собой скорее исключения, чем правила. При сопоставлении фонетически сходных идеофонических и экспрессивных лексем, пусть даже на материале языков, принадлежащих к одной и той же группе, выявляется гораздо больше различий, чем сходств. И наоборот, идеофоны, обозначающие один и тот же звук, даже в близкородственных языках различаются, например: польск. *pukać* ‘стучать’, *mlaskać* ‘чавкать’, *klaskać* ‘хлопать’, *topać* ‘топать’. А сколько отличий в передаче звуков, издаваемых животными? По-русски лягушка квакает, а по-польски кумкает (*kumka*), русская утка крикает, а польская квакает. В Англии квакают только утки, а в Германии и утки, и лягушки, младенцы по-немецки тоже издают похожие звуки (нем. *quäken* ‘издавать плачущие и высокие звуки’).

Как утверждают этимологи, звукоподражанием является сам русский грамматический термин глагол (первоначальное значение – ‘слово’), корень которого представляет собой редуцированный слог. На самом ли деле слово глагол изображало неясную, нечленораздельную речь? Почему значение его так сильно изменилось в старославянском языке, что слово стало обозначать речь членораздельную? Что является причиной возникновения звукоизобразительных слов? На каком этапе изучения языка иностранец начинает отличать оноματοпоэтические и экспрессивные лексемы от нормативных?

⁸ В. Скаличка, *Исследование венгерских звукоподражательных выражений*, [w:] *Пражский лингвистический кружок*, Прогресс, Москва 1967, с. 284.

За счет своего необычного свойства ощущаться своими среди слов чужого языка и казаться чужими для своего собственного ономотопы всегда имеют сильную эмоциональную окраску значения. Эмоционально нейтральная лексика, приобретая некоторые фонетические свойства ономотопов в просторечии, также меняет коннотацию. Так происходит, например, при использовании эмоционально-оценочного суффикса с консонантным компонентом *-х-* во всех славянских языках: русск. *сватья* – *свах*, *Петр* – *Петруха* и т.п., бел. *Аўдоця* – *Яўдоха*, польск. *piasek* – *piach*, *mięso* – *mięcho*, *włosy* – *włochy* и т.д.

Основное лексическое значение лексемы содержится в корне, однако для славянских языков характерна развитая морфемная структура слова. Поэтому звукоподражания в виде чистых корней в славянских языках функционируют только в виде междометий, число которых ограничено по вполне понятным причинам. Основная же масса звукоподражательных корней существует в виде грамматически полноценных лексем: существительных, прилагательных, глаголов.

Несмотря на то, что, согласно В.В. Виноградову „для современности гораздо важнее наблюдения над превращением других слов в междометия, чем решение вопроса о возникновении слов из междометий”⁹, с нашей точки зрения, „возникновение слов из междометий”, несмотря на свои исторические корни, так же представляет интерес в плане синхронии.

Возвращаясь к высказанной выше точке зрения об „аномальном” характере междометий и звукоподражаний, попробуем проанализировать одну из фонетических особенностей звукоподражаний и междометий.

В фонетической структуре междометий, звукоподражаний и идеофонов, а также в фонемном комплексе слов, принадлежащий к эмоционально коннотированной лексике, в славянских языках важную роль играет формант [х]. В русском языке имеется целая группа междометий, в составе которых присутствует эта фонема: *ах*, *бах*, *трах*, *ха-ха*, *хе-хе* и др. Мы условно разделили их на две группы, при этом оговоримся, что наша рабочая классификация не соответствует традиционной, предложенной В. В. Виноградовым и принятой *Русской грамматикой* и некоторыми исследователями¹⁰, в которой группы распределяются на основании признака производности/непроизводности лексемы.

⁹ В.В. Виноградов, *op. cit.*, с. 584.

¹⁰ В.В. Виноградов, *op. cit.*, с. 588–595; *Русская грамматика* 1980: I, § 1700–1705; А. И. Германович, *op. cit.*; С. А. Карпунин, *op. cit.*

Первую группу у нас составили междометия, которые мы назовем модально-экспрессивными, поскольку они выражают непосредственную эмоциональную реакцию человека на ситуацию, служат знаками выражения переживаний, ощущений, аффектов, волеизъявления. В одном случае мы имеем дело с выражением внезапного и очень сильного удивления, испуга, боли, разочарования и т.п.: *ах, ох, их, ох, ух, эх*, в другом случае междометия означают сниженно-эмоциональное отношение к ситуации: *ха-ха, хе-хе, хо-хо, хе-хе, хи-хи, хм*. Оба подтипа различаются с точки зрения физиологии речи: первые произносятся на вдохе, вторые – на выдохе. Различие в семантике таким образом непосредственно связано с физиологическими движениями дыхательного аппарата человека. Эмоции, обозначаемые словами первого подтипа, вызывают немедленную реакцию в виде резкого вдоха и задержки дыхания, которые определяются выражениями „дух перехватило”, „дух заняло” и подобными. Сниженно-эмоциональная оценка вызывает расслабление дыхательного аппарата и „облегчающий” выдох. В первом случае перед нами закрытый слог, во втором – открытый. Звук [х], изображающий шум воздуха, в составе этих слов представляет собой скорее экспираторный шум, придыхание [h], регулируемое только движением диафрагмы. В русское заднеязычное [х] ([ch]) этот звук превращается при редупликации (*а-ха-ха, о-хо-хо*), при воспроизведении записанных междометий в чтении (когда отсутствует ситуативный, игровой элемент) и в производных лексемах: *ах-ать, ох-ать, хихи-кать, чих-ать*. Не случайно, наверное, равнодушно-спокойный человек в русском языке характеризуется как такой, которому на все начхать.

Слова этой группы, представляются наиболее универсальными из всех звукоподражаний, в письменном тексте различия в их передаче незначительны, например, очень частое в английском языке междометие *O!* в русском переводе передается как *O!*, а в польском – как *Oh!* Междометия данной группы, являясь знаками, не имеют конкретного означаемого, стимул для их воспроизведения в речи лежит вне языка. Они обозначают ситуацию в целом, важную организующую роль в их понимании с точки зрения говорящего и слушающего играет интонация: русск. А *хо-хо* не *хо-хо*? – произносится в ситуации, когда слушающим иронически оцениваются неадекватные, с его точки зрения, требования говорящего.

В другой группе, собственно идеофонической, отношения между означаемым и означающим более сложны, основаны на ассоциации, поскольку в этом случае обозначаются внешние шумы и звуки. В таких словах присутствует элемент „номинации”, это, собственно говоря, и есть

„настоящие” звукоподражания и идеофоны: звуки ударов, движений – *бах, бабах, трах, плюх, трюх*, голоса животных: *хрю-хрю*. Звукоподражания данной группы значительно различаются в разных языках своим фонетическим оформлением, к сожалению, не всегда фиксируемым в переводных словарях во всем разнообразии вариантов. Можно сказать, что такие звукоподражания имеют „внутриязыковое происхождение”.

В подобных междометиях [x] исходно фонематичен, поскольку реализует определенную идею звука, его образ, абстрактный звукотип, но не связан с конкретной ситуацией в силу своей функции: в составе слова как комплекса звуков называть понятие.

Попробуем проследить за тем, как ведут себя экспрессивные и идеофонические корни с [x] в словообразовательной грамматике.

Мы намеренно будем рассматривать только те слова, которые имеют зафиксированные в словарях междометные соответствия. Хотя В. Скаличка полагал, что в случае отсутствия соотносительной „частицы” в словаре, глагол возводится к ее потенциальной форме¹¹, в случае со звукоподражаниями и междометиями не всегда можно точно определить, какое из слов является производным, а какое – производящим.

В случае с местоимениями первой группы все ясно: междометие является производящим словом для всего гнезда: *ах – ахи, ахоньки, ахти, аховый, ахать, ахнуть, аханье, заахать, взахаться, রাখаться, поахать* и т.п. (все дериваты здесь и в дальнейшем взяты из *Словообразовательного словаря* А.Н. Тихонова), *ох – ох-ох-ох, охохоньки, охohoшеньки, охохонюшки, охать, охнуть, оханье, охала* и т.д. Для местоимений второй группы все не так очевидно. Например, словарь А.Н. Тихонова дает такую цепочку: *грохать – грохаться, грохнуть, грохот, грох* (межд.), *хлопать – хлопаться, хлопнуться, хлопнуть, хлоп* (межд.), тогда как *Русская грамматика* придерживается иного мнения¹².

Никакой список звукоподражаний (междометий) и соотносимых с ними слов не может быть полным, поскольку возможности языка в области создания новообразований неисчерпаемы. Звукоподражания, как возникающие окказионально в живой речи, так и существующие постоянно, обнаруживают территориальное разнообразие, но могут образовываться по одной и той же модели: корень + финаль –Vx, где V – любой гласный: *бударах-нуть, телялях-нуть, шупулих-нуть, чебурах-нуть, шандарах-нуть*. С точки зрения характера идеофонии, финаль, по-видимому, изображает окончание движения или звука, напоминающее

¹¹ В. Скаличка, *op. cit.*, с. 294.

¹² *Русская грамматика* 1980, с. 733.

выдох, в отличие от начала корня, где мы слышим взрывные согласные, а звук или движение может продлеваться за счет введения новых слогов или редупликации: *бух-нуть* – *бударах-нуть*, *трах-нуть* – *тарарах-нуть*, *шах-нуть* – *шарах-нуть* – *шандарах-нуть* (все лексемы обозначают удар).

Оказавшись на стыке корня и суффикса, ономатопозитическое [х] ведет себя так же, как и этимологическое, т.е. вписывается в альтернативную модель: ср. *глухой* – *глушить* и *шарахнуть* – *ошарашить*, *белехонький* – *белешенький* и *охохохоньки* – *охохошеньки*.

Экспрессивно-ономатопозитическое значение благодаря [х] получили такие лексемы, как: *волосатый* – *волохатый* (ср. польск. *włochaty*), *трясти* – *тряхнуть*, *трусить* (бояться) – *трухнуть*, *баять* – *бахать*, *бахорить* ‘болтать’, *маять* – *махать*, *чуть* – *очухаться*, *рядиться* – *рыхаться*, отсюда: *неряха*, *подводить* – *подвох*. Подобные замены можно наблюдать как в плане этимологии, так и в современной лексике.

В отмеченных в словарях междометиях, звукоподражаниях и в соотносимых с ними словах, мы не обнаружили ни одного звукосочетания, которое было бы запрещено фонетикой русского языка¹³.

Благодаря своей необычной фонетической структуре (в плане выражения) и отсутствию ясной этимологии, или словообразовательной семантики (в плане содержания), заимствования занимают в языке особое место. Попробуем описать некоторые особенности освоения заимствований в русском языке. Обратимся в первую очередь к звукосочетаниям начального слога корня. Значительное количество ономатопов начинается со звукосочетания [хр] / [хр’]: *храпеть*, *хракать*, *хрипеть*, *хрустеть*, *хрюкать* и т.д. Вместе с тем, все лексемы с корнями незвукоподражательного происхождения, зафиксированные еще в *Словаре древнерусского языка* И. И. Срезневского, – это заимствования: *храм*, *храбрыи*, *хранити*, *хрьсть*, *христианьскыи*, *хронографъ*, *хрѣсолитъ*, *хрѣсталь* и др., исконно русские же лексемы имеют звукоподражательные корни. В словарях В.И. Даля и М. Фасмера, а также в *Словаре русских народных говоров* найдем множество примеров слов, не вошедших в литературный язык. Обращает на себя внимание тот факт, что гласные звуки в этих образованиях не играют смысловой роли: *храпать*, *хрпать*, *хрепать*, межд. *хрон!* *хрон!*, *хронки* ‘осколки, щепки’, *хрипеть*, *хрустеть*, *хрустать* – *хрусталь* ‘щавель’, *хрястать*, *хряскать*, *хряснуть*, *хрупать*, *хрюкать* (отсюда *хряк*, *хрѣк* ‘самец свиньи’), *хрумкать*, *хряпать* (*хряпка* ‘капустная кочерыжка’), *хробать* – все эти глаголы изображают звуки, издаваемые во время еды человеком или животным при смыкании челюстей.

¹³ Ibidem, §§ 33–115.

Та же самая картина наблюдается при анализе сплошной выборки лексем с начальными сочетаниями [хл], [хл']. Среди заимствований находим старославянизмы: *хлад*, *хлакыи* / *хластыи* 'холостой', *хлан* 'холоп', грецизмы *хлена* (хлина) и *хламида*, а также лексемы *хлѣбъ* и *хлѣвъ*, считающиеся древнейшими заимствованиями из германских языков. Древнерусские идеофоны – это *хлебати*, *хлепѣтати* 'пить с жадностью', *хлѣпати* и *хлюпати* 'плакать', *хлюпать*, *хлопотъ* 'шум', *хлябь* 'водопад, стремнина, поток', *отхлюнутися* 'отхаркаться, откашляться'. В словаре В. И. Даля подобных примеров гораздо больше: *хлестать*, *хлыстать*, *хлюстать*, *хлястать*, *хлобыстать* и т.д.

Звукосочетания [х] с проточными [м] и [н] также характерны для звукоподражательных корней: *хмыкать*, *хныкать*, *хнырять* 'плакать', *хныра* 'плакса'.

К сожалению, в лингвистической литературе очень мало внимания уделено заимствованным словам, пришедшим в русский язык через устную речь. Часто такие слова оцениваются носителями языка как родные, потому что в ходе адаптации в языке видоизменяются, приобретая фонетические и морфологические свойства исконно русских лексем. Новая мотивировка подобных слов носит название „народной этимологии”. В качестве примера приведем заимствования Петровской эпохи: *хранун* 'гарпун', *храновое колесо* < голл. *harpoen* или нем. *Harpune* или франц. *harpon*, *хлюст/хлюз*, *хлѣз* – *хлюз* < голл. *kluiise*, *прохвост* < *профос* < нов.-в.-нем. *Profoss*, сближенное с *хвост*; *пентух*, просторечн. *хребтуг* 'полотняная торба для кормления лошадей в дороге' < нем. **Kripptuch*, *Krippentuch*; *ухналь*, *хухнаръ* 'гвоздь для подковы' < польск. *ufnal*, *hufnal* < нем. *Hufnagel*, *крахмал* < польск. *krochmal* < нем. *Kraftmehl*. Интересно, что в старых заимствованиях из германских языков в славянские неосвоенное германское [f] регулярно заменялось славянским [х], что как раз и создает идеофонический эффект и приводит к ложной этимологизации лексем.

Как нам кажется, причиной возникновения на базе заимствований лексем, приближающихся по своему фонетическому составу к звукоподражаниям, является типичность фонетической структуры звукоподражаний в родном языке.

Кроме того, в пользу „нормальности” и исконного характера звукоподражаний в системе конкретного языка говорят такие факты, как, например, стойкое сохранение звукоподражаний первого, материнского языка в речи билингов (по нашим наблюдениям над речью белорусов, хорошо владеющих русским языком). Выводы же об аномалиях в звуковом составе звукоподражаний и о нетипичности их фонетической структуры, как нам

кажется, справедливы только по отношению к книжному и нейтральному (отчасти) стилям, но не ко всей системе национального языка.

Междометия и звукоподражания являются важной частью лексического запаса разговорной речи. Как показывает наша практика перевода и преподавания русского языка белорусским и польским студентам, запас идеофонической и экспрессивной лексики не относится в своей большей части к лексике общеславянской. Междометия, ономатопы и идеофоны поэтому должны стать предметом специального описания в рамках славистики, которое, в свою очередь, предоставит материал для дидактических разработок.

Streszczenie

Onomatopeja – językowa anomalia?

Artykuł dotyczy kierunków i celów badania wyrazów pochodzenia dźwiękonaśladowczego w języku rosyjskim na tle porównawczym. W językoznawstwie synchronicznym rozpowszechniony został pogląd, zgodnie z którym słownictwo o zabarwieniu ekspresywno-emocjonalnym ma charakter atypowy, szczególnie ze strony fonetycznej. Autorka zwraca uwagę czytelnika na niektóre osobliwości funkcjonowania wykrzykników, wyrazów pochodzenia dźwiękonaśladowczego oraz ekspresywnie nacechowanych w obrębie podsystemów fonetyki, słowotwórstwa, składni, jak również w podsystemie wyrazów zapożyczonych, rozpatrywanych zwykle osobno. Wyniki badań wstępnych autorki dowodzą, że owe wyrazy są raczej typowe dla języka rosyjskiego, jeśli wziąć pod uwagę nie tylko odmianę literacką języka ogólnonarodowego, lecz uwzględnić wszystkie jego socjalne i terytorialne podziały.

Summary

Onomatopoeia: A Language Anomaly?

The article deals with the ways and aims of the research of the phrases of sound imitating the origin in the Russian language on the comparative basis. From the synchronous linguistic such a point of view was spread over that the vocabulary of expressive and emotional colouring is of atypical character especially considering the phonetic side. The author tries to attract the reader's attention to some special features of the functioning of interjections, phrases of sound imitating origin and expressively featured in the areas of the subsystems of phonetics, word-building, syntax, as also in the subsystem of the borrowed phrases, which are usually considered separately. The results of the author's preliminary research prove that such phrases are rather typical of the Russian language taking into account not only the literary variant of the national language but all the social and territorial divisions.